

П И О Н Е Р

Март

Издательство „Правда“ 1942 г.

3

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пионер

№ 3

Ежемесячный детский журнал
Центрального комитета ВЛКСМ

Март 1942 г.

Издательство „ПРАВДА“

Снова в родной школе!

Фото М. Озерского.

Армия-освободительница изгнала немецких мародеров из дорогой всему культурному миру Ясной Поляны. Здесь, где жил и творил великий писатель земли русской Лев Николаевич Толстой, снова началась свободная жизнь советских людей. С какой радостью сели за парты яснополянские школьники. Наконец-то они опять учатся! Сегодня в VI классе урок географии.

Лиза Чайкина

Н. Михайлов

Рис. А. Брея

Герой Советского Союза
Елизавета Ивановна Чайкина.

1

В густых лесах Пеновского района, Калининской области, затерялась маленькая деревушка Руна. Здесь и родилась Лиза Чайкина.

Семья была большая, а рабочих рук мало. Отец вернулся с империалистической войны контуженным. Жили впроголодь.

— Хлопотали от зари до зари, а земля нас плохо благодарствовала, словно сердчала на нас, — вспоминает мать Лизы, Аксиныя Прокофьевна. — Все видели: и помиру ходили и кору плодали. Да кабы только мы так жили: все в деревне один одного бедней были. Куда ни глянешь, голь перекатная. Потом уж, с колхозами, новое время пришло.

Женщина с типичным лицом русской крестьянки изредка подносит к лицу платок. На ней старенькая фуфайка, выгоревшая, рыжая шаль, мужские башмаки.

— В том и остались, — говорит мать. — Все, бандит, забрал. Курей было тридцать две, гусей семь штук, овечки, свиньи. Сейчас ничего не осталось. Коров-то отнял еще в лесу. Мы из деревни ушли, а он нас поймал. Собрал в кучу. Стали прощаться, думаем: конец пришел. А тут разом наши его потревожили сильно. Мы-то, старики, словно партизаны, кустами да балочками в свои шалашики, в лес обратно. Так и хоронились, пока его не выгнали.

Всего лишились, все, что горбом наживали, порушил, окаянный. Ну, да ладно, наживем. Товарищ Сталин около нас, мы около товарища Сталина — снова колхоз организуем. У меня сейчас только одно удовольствие — побить немца скорей, выгнать его за границу, а уж там все будет! Народ у нас в колхозе воспитался, организовался, знает, как работать надо.

Снова и снова мать вспоминает о Лизе. Когда слезы подступают к горлу и останавливается дыхание, замирает сердце, она тербит край платка, подавляет материнское

волнение, и опять течет ее неторопливая речь:

— У меня еще дочка есть, Маня. Она в школу бегать стала, а Лизанька-то махонькая еще была. В книжку ткнется: «Мама, что здесь написано? Мама, пошли меня учиться». Я — к учительнице. «Примите, — прошу, — уж очень прамоту хочет узнать».

Собрала я Лизаньку, платье новое сшила. Такая она вострая была — Маня-то старше, а Лиза ее грамотой забивала. Прибежит, скажет: «Опять у меня «отлично». Вот ведь какое дите удалось — из всех! Мне бы сына Шурика такого вырастить — ему двенадцать лет, — как бы было хорошо!

Маленькой Лиза песни любила, рассказы про деревенскую жизнь. Бывало, заиграют наши старые деревенские песни, про темноту, про горе, про судьбу-злодейку, а Лиза слушает да все спрашивает: «Так ли было, как в песне?» — «Было, дочка, еще темней было: солнышко-то светило, да не нам». Она забьется в угол, плакать начнет. «Что ты, Лизанька?» Лепечет сквозь слезы: «Песня неправильная».

Такой была Лиза в детстве. Такой сохранилась она в памяти всех, кто ее знал, — с пытливым умом, с открытым сердцем.

Окончив четыре класса сельской школы, Лиза начала работать: сеяла, полела, мяла лен, убирала скот, помогала в доме.

Все свободное время отдавала книгам. За несколько верст ходила в соседнюю деревню Залесскую, в избу-читальню.

Так прошло два года. Мать вспоминает:

— Стужа была свирепая, мороз, снегом избы занесло. Ночь была темная-темная. Ко сну уж клонит, а Лизы нет. Соседей окликала. «Не видали, — говорят, — сегодня не забегала». Отец тревожится, а я — в слезы. И куда же она может пропасть в такую непогодь? Вышла в сени, кричу в темноту, как в чащу лесную: «Лиза, где же ты, родненькая, где же ты, дочка милая, девочка наша быстрокрылая?»

Вышел отец, накрыл полушубком, взял за плечи, в горницу отвел. Лампаду зажог, ставню откинул и уговаривает: «Красный огонек далеко в темноте приметен, может, где заблудилась».

К ночи вернулась она домой, прямо с лыжами в горницу вошла, из-за пазухи книги вынула. «В Залесье, — говорит, — была, книги ездила брать, а там собрание комсомольское, на нем и осталась. Ох, маменька, как там интересно было!»

Это было первое комсомольское собрание в жизни Лизы.

На другой день со всеми подробностями она рассказала о нем подружке Нюре Барсуковой.

Лиза стала постоянным гостем в комсомольской ячейке и однажды вернулась домой с комсомольским билетом. В Руне она была первой комсомолкой.

О комсомольцах в семье слышали много, но речь всегда шла о ребятах. Однажды отец спросил Лизу:

— Что это такое за комсомол, скажи на милость? Окромья билета, что он тебе еще даст?

Лиза объяснила, как могла, но отец просил прочесть про комсомол «по писанному»: печатное слово вернее.

Тогда Лиза привезла домой тоненькую потрепанную книжку. Это была брошюра Ленина — речь на III съезде комсомола. Читали ее несколько вечеров. Обычно отец слушал, опершись руками о стол, все время заглядывая в книгу. Нюра садилась у окна. Мать иногда отрывалась — то к Шуре, то к самовару.

Лиза читала медленно, усиливая слова, которые казались ей самыми значительными.

«И вот, поколение, которому теперь 15 лет, — читала Лиза в последний вечер, — и которое через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую».

Лиза закрыла книжку. Отец встал.

— Ну-ка, — обратился он к Нюре, — прочти.

— Ленин, — прочитала Нюра.

— Ленин, говоришь?

— Ленин, — повторила Нюра.

— Скажи ты на милость! — отец повернулся к девушкам: — Я человек темный и про ваши комсомолы мало знаю. Ну, только уж раз записалась, — делай так, как товарищ Ленин требует. Он зря не скажет.

— Ну, а ты, Нюра, пойдешь в комсомол? — спросила Лиза подружку, когда старшие улеглись спать.

— Пойду. Вот только что дома скажут?

В следующий воскресный день подружки ушли на собрание вместе. А четыре месяца спустя, в июле 1933 года, и Нюра уходила из Залесья, бережно завернув в чистый, нарочно для этого припасенный платок се-

ренькую книжечку с силуэтом, знакомым во всех странах мира.

С этого лета жизнь в Руне стала значительней. Что-то новое, на первый взгляд неувловимое проникало в избы колхозников. Выбирая свободные минуты, Лиза доставала газету.

— Послушай, мама, как люди живут, что и где делается. Смотри, мама, — возбужденно говорила она, — какая жизнь становится! Давайте скорей поставки выполнять, продналог платить. Мы внесем, а ты ступай к мужикам да скажи: «Видите, как для нас власть старается, давайте и мы ее отблагодарим. Я, баба старая, уж и заем выплатила и налог, а вы за мной тянитесь, помогать власти надо».

И старая Аксинья Прокофьевна накидывала платок и шла к соседкам, присаживалась на завалинке и, как она говорит, «организовывала и воспитывала народ».

Самой ей эти беседы словно прибавляли сил. Она и не заметила, как выросло в ней твердое, непреклонное убеждение: для ее семьи, для всех односельчан путь к настоящей жизни — только через колхоз. И не только она, но и соседки, которые помнили, как вместе играли у церковной ограды, со слезами выходили замуж, как мучительно было жить впроголодь, не зная, что будет завтра, стали по-другому относиться к работе. Чувствовалось, что труд нужен не только для семьи, но и для народа, что где-то там ждут выращенный руновцами лен, хлеб, картофель.

Так русская крестьянка, не выезжавшая дальше Смоленска, вдруг увидела жизнь далеко за пределами Руны, почувствовала себя нужным и важным человеком.

А у Лизы появились новые помощники. Бывшие пионеры (сейчас они уже выросли и стали комсомольцами) вспоминают, как девушка создала первый в деревне пионерский отряд. Заботливо кроила она веселые красные галстуки. Разве можно забыть минуту, когда крупные смуглые руки девушки повязывали тебе галстук, и красный от напряжения барабанщик оглушительно выбивал салют, и выцветшее знамя с золотой оборкой трепетало и мягко шелестело на ветру, и солнце светило так, словно оно раньше никогда таким не было?!

Шло время, и менялся характер Лизы. Реже она ходила на гулянки, все чаще видели ее с книгой, с газетой. Односельчане звали ее книжницей, вкладывая в это слово уважение и гордость за девушку из их колхоза.

Книги, дружная, жадная на колхозную работу семья, жизнь колхоза — вот кто были учителями Лизы. Вступив в комсомол, она перечитала о жизни Ленина и Сталина все, что было в Залесье и Пено. Пушкин, Лер-

монтов, Маяковский, Горький, Николай Островский, встречи с людьми, работа с двенадцати лет, комсомольская организация развернули в простой девушке те могучие силы, которые показала она в минуты тяжелых испытаний.

В пятнадцать лет Лизу выдвинули заведывать избой-читальней. Читальня давно стала для Лизы вторым домом. Она относилась к ней с уважением и восхищением. И вот теперь она будет здесь работать.

— Боязно, — говорила Лиза подругам.

— Вот выдумала, — убеждала ее Катя Цветкова из колхоза имени Молотова. — Мы-то ведь никуда не денемся.

Вместе они организовали агрономический кружок. В деревне появились новые слова: «агроминимум», «культиватор», «протравка», «передовые методы»...

Готовясь к весне, девушки решили создать молодежное звено.

— Вот увидите: самый хороший лен будет в нашем звене, — говорила Лиза.

В избе-читальне всегда было полно. Вслед за агрономическим появились кружки драматический, музыкальный, текущей политики. В читальне можно было встретить врачей, агрономов, животноводов, учителей — каждому находилось дело.

Колхоз, комсомольская ячейка были первыми заботами Лизы, и этим определялась жизнь.

— Лизанька, — со всей лаской, на которую только способно сердце матери, говорила Акулина Прокофьевна, — все ты в делах: ни выходных, ни воскресенья не признаешь. Неужто у тебя и семьи не будет?

— Не знаю, мама, — пряча улыбку, отвечала дочь.

Веселая, крепкая девушка страстно любила жизнь. Всюду она успевала, всегда умела заставить себя делать то, что нужно в первую очередь. И всегда, в малом и большом деле, она помнила, что, как вожак, должна служить примером для всей молодежи. В поле, в читальне, на соревнованиях всегда стремилась быть первой, делать лучше других.

— Она для нас была словно старшая сестра, — говорит Катя Цветкова. А Катя на год старше Лизы.

В 1939 году Лизу избрали секретарем райкома комсомола. Комсомольцы приняли это как должное. Все считали, что иначе и быть не могло. Чайкина для них была идеалом комсомольца, поступкам ее подражали, у нее учились жить и работать.

Не раз просила Лиза в обкоме послать ее учиться:

— Трудно мне: все ребята семилетку кончили, а у меня четыре класса. Поучусь — легче работать будет.

Летом Лизу послали в Калинин на партийные курсы. Здесь ее и застала война. Едва прослушав сообщение по радио, она отправилась в район.

Вновь закипела работа. Лиза мобилизо-

вывала комсомольцев на уборку урожая, на транспорт, организовала военную учебу.

«Учусь стрелять из винтовки, бросаю гранаты не хуже ребят, скоро доберусь и до пулемета. Посмотришь, воином стану, да еще каким!» — писала она в те дни подруге детства, Нюре Барсуковой.

Райком комсомола превратился в военный штаб.

Фронт приближался. Однажды вечером Лиза услышала шум. По улице в облаке пыли шло стадо. Тревожное чувство охватило девушку. По утомленным, серым и пыльным лицам, по движущимся со скотом повозкам с домашними вещами и дремлющими ребятами Лиза догадалась, что фронт приближается.

Лиза спустилась с крыльца.

— Откуда? — спросила она подростка, шлепающего босыми ногами по мягкой пыли.

— От немцев уходим, — бросил он на ходу. Уже солнце скрылось за вершинами деревьев, и пыльное облако, которое подняло стадо, растаяло вдалеке, замерцала первая, ранняя звезда, туман закурился над рекой, а девушка стояла, не в силах оторвать взгляда от любимых просторов. Потом неспеша, в раздумье пошла по серой, придорожной траве.

Вихрем пронеслись мысли. Любимые книги, которые она с трепетом брала в книжном киоске и собирала дома; первое комсомольское собрание; ласковые летние рассветы; пушистые снежные поляны, неожиданно открывающиеся в пеновских лесах, когда ты с ватагой друзей идешь на лыжах; радость успехов и горечь неудач; веселые праздники в честь колхозного урожая; шумные, жаркие споры на районных конференциях — как это все мило! Как это близко, потому что всем этим ты жила, без этого могла считать свое существование бессмысленным! Все это можно было высказать одним словом — «Родина!»

Поздно ночью она добралась до деревни. Мать обрадовалась, бросилась за молоком. По обыкновению разговаривала, но Лиза молчала.

— Людей сгоняют с места. Казнят детей, над всеми издеваются, грабят... — мать взглянула в лицо дочери. Это было другое лицо, другие глаза.

На следующий день в Пено собрался комсомольский актив; не слышно ни шуток, ни песен — все озабочены.

— Мы не будем рабами Гитлера, он нас не сломит! Мы стоим за родину, все как один! Великая честь для нас, комсомольцев, быть на поле сражения! Все, в ком бьется сердце, на борьбу с оккупантами! — призывала Лиза. — Все ли вам понятно, товарищи? Может быть, кому не ясно? — спросила она по своему обыкновению.

И из сотен грудей вырвалось единое:

— Понятно, Лиза, действовать надо!

Немцы подходили все ближе. Лиза собирала партизанский отряд. Григорьева, Зуева, Блаздинская, Тихомиров — всего шестьдесят восемь человек решили уходить в лес.

Еще до войны в Пено приехал Николай Григорьев. Он учился в Ленинграде в Горном институте, но каникулы всегда проводил в родных местах. Война задержала его, и, когда немцы подходили к району, он тоже решил уйти в партизаны. Вместе с ним вступили в отряд брат, школьник Владимир, сестра Нина, педагог, и старик-отец, Леонид Григорьев.

— Семей жили, — сказал отец, — семей и воевать будем.

Накануне прихода немцев Лиза зашла в родную деревню. Побывала она в доме лишь несколько минут и попросила мать вместе дойти до пристани:

— Вот, мама, может быть, в последний раз и идем вместе.

— Что ты, Лизанька? — испуганно прошептала мать. — Разве можно такие слова говорить?

— В партизаны я уйду. Может, погибну, да ведь не одна я такая. Но народ наш выстоит, все перенесет, а на фашистов работать не будет. Ты не беспокойся: плохое со мной случится — тебя ни власть, ни народ не забудут. Только знай: если услышишь: убили твою дочь или поймали, — не говори ничего, не признавайся, а то весь колхоз спалят.

Мать ни о чем не спрашивала: знала, что это — лишнее.

Заалел край неба — наступал рассвет. Капли росы блестели, словно слезы. Лиза остановилась, встряхнула за плечами вещевой мешок и прижала мать к своей груди. По старому обычаю, широким крестом осеняла старуха свое детище, смахнула рукой набежавшие слезы, и Лиза ушла, унося с собой материнское благословение.

Началась новая жизнь, новые заботы.

Хотя отряд и готовился, но всего не предусмотрели. Оказалось, что недостает продуктов, мало вооружения. У многих не было никакого боевого опыта. Но никто не падал духом.

— Поживем — всего накопим, — говорил командир отряда Филимонов. — Самое глав-

ное — держаться крепко, уметь завтрашний день видеть, перспективу не терять. Трудностей будет очень много. Кто слаб, признавайся — держать не будем.

Слабых не оказалось.

В густом лесу Филимонов остановил отряд. Вырыли несколько землянок, в одной из них устроили радио.

3

Самому молодому партизану, Васе Тихомирову, было пятнадцать лет, но лучшего разведчика отряд не желал.

В светлую, звездную ночь Лиза и Вася отправились в разведку. Вышли из лесу и увидели горизонт, охваченный пламенем.

— Головово горит, — сказал Вася. — А там Замятино, а там, дальше, Торопец.

Повсюду виднелись следы войны: обломки сгоревших грузовиков, подбитых танков, развороченная снарядами земля, выжженные поля, разрушенные дома.

Послышался шум моторов: шли немецкие танки. Разведчики шмыгнули в ложину и оттуда обратно в лесную чащу.

— Беги в отряд, — шепнула Лиза, отстегивая кобуру.

Шум приближался. Трясаясь, проскочил и скрылся в облаке пыли мотоциклист. Показались танки: один, другой, третий... Снова вернулся мотоциклист, что-то доложил, и колонна свернула с дороги в нескошенную траву. Солдаты вылезли из люков, заглушили моторы.

Лиза в первый раз увидела близко немцев и сама удивлялась: у нее не было чувства волнения. Жадно разглядывала она нашивки, стараясь определить командиров; проверяя себя, несколько раз пересчитывала солдат. А они, как видно, располагались на отдых. Из танков вытаскивали бутылки, свертки, одеяла, подушки. Для офицера постелили прямо на траве салфетку. Он — длинный, с покатыми плечами — сбросил с себя мундир, рубашку, повязал на шею полотенце и отправился к песчаной отмели, на реку.

— Подходят, — услышала в этот момент девушка голос Васи.

Оставив его наблюдать, Лиза поползла дальше в лес и, когда, оглянувшись, решила, что ее не видно, поднялась. Сбросила башмаки и, ровно взмахивая руками, побежала так же, как бегала когда-то на кроссе. Несколько минут — и она уже снова ползла к ивняку, буйно разросшемуся на высоком берегу реки. Прямо напротив нее сидел и не-

торопливо курил долговязый офицер в полосатых трусиках.

И вдруг в мертвой утренней тишине раздался взрыв, выстрелы, загудели снова моторы, затрещал мотоцикл: партизаны дали первый бой врагу. Отшвырнув папироску, офицер вскочил. Почти не целясь, Лиза выстрелила раз, другой. Немец подпрыгнул на месте, словно от ожога, сделал несколько шагов и опрокинулся навзничь.

Через несколько часов партизаны распределяли захваченное оружие. Долго спорили, кто сделал почин в истреблении захватчиков, а потом единодушно решили: Лиза. Так, раньше, чем ожидал отряд, началась его боевая жизнь.

Во всех деревнях партизаны встречали поддержку, всюду у них были свои люди. Расположение отряда тщательно скрывали, но народ знал, чья рука пускает под откос поезда, устраивает засады, подрывает минами автотранспорт. Неведомыми путями шли к партизанам донесения, отовсюду им помогали продуктами. Колхозники соседних деревень сушили сухари, из Занепреченского сельсовета прислали одиннадцать мешков муки, из райцентра — крупу, масло, сахар.

Однажды комсомольцы отправились за мясом. Зашли в деревню. В ней на окраине остановились немцы. Ребята начали распрашивать встретившегося им колхозника.

— Да чего вы меня, темного, пытаете? — отмахивался бородач. — Откуда я знаю, где немцы, а где партизаны? Мы народ темный, нам лишь бы хлеба да землицы, а остальное сами решайте. Вам виднее: вы газеты читаете.

Но когда старик убедился, что ребята — свой народ, комсомольцы, он спустился в погреб и начал вытаскивать оттуда крупные куски мяса.

— Да вы уж берите, — ворчал он с напускной суровостью, — для вас готовил. Для немцев дохлого цыпленка, и того не дадим.

Вскоре даже спокойная Лиза пережила много тяжелых волнений. Это было в последних числах октября. Комсомольцы Фокин, Зуева и Блаздинская ночью пошли в разведку. Пошли — и пропали. Три дня от них не было никаких известий. Комсомольцы ходили сумрачные. И уже когда было решено послать вторую группу, Зуева и Блаздинская вернулись. Все объяснилось просто: немцы их захватили, девушкам удалось уйти, а Фокин остался. Что с ним, не знали.

Лиза опечалилась. Фокин был наредкость прямодушный, храбрый комсомолец.

Через месяц после начала лесной жизни решили созвать собрание. Командир коротко доложил о боевой работе. Не было оружия, пришлось вооружаться трофеями. Сейчас есть автоматы, пулеметы, минометы и даже два орудия. Что делали, — об этом знают сами партизаны: били врага, отрезали ему пути, налетали на немецкие колонны, уничтожили около ста автомашин с военными грузами, в том числе одну штабную, отбили обоз с продовольствием.

После собрания молодежь собралась вокруг Лизы. Слабый огонь освещал обветренные, грубые лица. Это были уже другие люди — возмужавшие, отвыкшие от домаш-

ней обстановки. Для себя Лиза отметила любопытный штрих: когда она подходила к комсомольцам, все вставали и старший отдавал рапорт, хотя Лиза была в отряде рядовым бойцом и никто не говорил, что секретарю надо докладывать.

— Споем, — сказал в тишине чей-то голос.

Затянули вполголоса «Ермака». Пели медленно, словно стараясь подольше растянуть любимую старую песню.

А на другой день снова продолжалась партизанская жизнь. Люди уходили в разведку, возвращались иногда с удачей, иногда неудачно. Отправлялись на операции; кропотливо, деловито готовились к зиме. Все делалось по-хозяйски, основательно, словно люди всю жизнь не знали ничего другого, как партизанить в лесах.

В середине ноября Лизу позвал начальник отряда. Он протянул ей маленькую брошюру. Это был доклад товарища Сталина о XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Лиза прислонилась к сосне и прочитала брошюру раз, другой, третий. Ей не надо было напрягать память: слова запоминались сами, окрыляли новой надеждой. Она оглянулась. Кругом стояли партизаны, у каждого в руках была маленькая книжечка. Заговорил один, другой — и стихийно вырос митинг. В холодном осеннем воздухе прозвучало, как клятва: «Смерть немецким оккупантам!»

Партизаны решили рассказать о докладе вождя народу, оставшемуся в деревнях, донести сталинские слова до каждого.

— Ступай докладчиком, — сказал Филимонов Лизе. — Зря не рискуй. Если будет опасность, уходи.

В тот же день, оставив в отряде оружие, девушка отправилась в район.

Она приходила в колхозы. Тихо, словно все вымерло. Куда ни зайдешь, — молчаливые женщины, истощенные дети. Все те же следы войны: опромные воронки от снарядов, разбитые в щепы деревни, сожженные дома. И всюду суровое дыхание смертельной борьбы советских людей против немецких захватчиков.

День за днем шагала Лиза по мокрым колеям проселков. В каждой деревне, где она появлялась, в течение одного — двух часов собирались люди. Ни председателя, ни секретаря не выбирали. Лиза брала слово и рассказывала о докладе товарища Сталина.

Девушка подробно рассказывала о том, что видела в районе, в соседних деревнях, о бесчинствах германских мародеров, об их зверствах.

— Верьте, — звучал ее страстный, убежденный голос, — не сегодня-завтра придет к нам Красная Армия, прогонит и перебьет всех немецких солдат, освободит наши колхозы от фашистского гнета. Бейте, жгите немцев, не давайте им никаких продуктов, помогайте нашим партизанам! Становитесь под знамя Ленина-Сталина! Все боритесь с врагом, не щадя жизни! Не хозяйничать фашистам на советской земле!

Со слезами радости провожали колхозники отважную девушку. Они верили ее словам, они видели в ней посланца партии, советской власти, потому что знали всю ее жизнь, знали ее родных, ее детство, юность. Они верили Лизе.

Через несколько дней девушка добралась до Великолукского сельсовета.

Как и везде, в сельсовете нашлись друзья.

В деревне она подошла к доске объявлений. На большом листе бумаги был напечатан приказ. В нем говорилось, что всякий, указавший место нахождения командира партизанского отряда, получает пять тысяч марок, дом с усадьбой и корову.

— Немцы сюда не показываются, — рассказывали ребята. — Только иной раз заявятся с танками, нагадят — и обратно.

— Почему?

— Партизаны шагу не дадут ступить, так их молотят, что все на свете забывают.

— А кто у партизан командир?

— Да не знаем. Видала: немцы за него награду уже обещали.

Через самых надежных Лиза решила установить связь с новым партизанским отрядом. И здесь ее ждала неожиданная радость: нашелся Фокин. Попав к немцам, он много перетерпел: его пытали, избивали. По дороге в немецкий штаб Фокин сумел убежать и организовал новый отряд. Его-то и боялись немцы.

Лиза простилась с ребятами и пошла дальше. Так побывала она в пятнадцати селениях. Всюду она передавала народу слова товарища Сталина. И всюду эти слова поднимали новый дух борьбы: чаще взрывались фашистские транспорты, неизвестно куда исчезали целые километры проводов; после ночевки, несмотря на усиленную охрану, вдруг отказывались работать карбюраторы.

22 ноября Лиза провела собрание в селе Луювке и отправилась отсюда на хутор Красное Покатище, к своей старой подруге Марусе Купоровой.

На хутор Лиза пришла к вечеру. И в тот момент, когда она входила в дом, Тимофей Колосов, бывший кулак, не одеваясь, побежал в немецкий штаб.

— Пришла, — воровато шепнул он.

Машина с эсэсовцами понеслась к Красному Покатищу. Без стука ворвались в дом.

— Где дочь? — с порога крикнул офицер старушке Купоровой.

Мать развела руками, удивленно оглядев солдат. Грянул выстрел — женщина упала, обливаясь кровью.

Вскрикнул и бросился на палача двенадцатилетний Коля. Снова выстрел — и мальчик упал возле матери.

— Собаки проклятые, что делаете? — не выдержав, вскрикнула Маруся и плюнула в лицо офицеру.

Он кивнул. Девушку схватили, вывели во двор.

Лизу в одной рубашке и босую погнали в Пено. Когда тронулись, запылал дом Купоровых.

Тяжело Лизе, вся кровь кипит. Но что сделает безоружная против вооруженной банды?!

Темно, дороги не видно. Когда нога ступает на острые камни, по всему телу бежит нестерпимая боль. Коченеют руки, во рту все пересохло. Лиза шла молча. Пришли в штаб.

— Ты партизанка?

Молчание.

— Сталинская молодежь?

Молчание.

Солдаты бьют прутьями по ногам, рукам, спине...

Молчание.

— Где твои товарищи? Кто тебя послал?

— Смерть вам, проклятым! — сказала Лиза и плюнула в лицо офицеру.

Лизу повели к водокачке на расстрел.

— Эй, кто знает эту девчонку? Не она ли командир? — обратился немецкий офицер к женщинам.

Все молчали.

— Скажи, где находится партизанский отряд, останешься жить, — снова предложил офицер.

Лиза ответила полным страстной ненависти взглядом.

— Может быть, ты не партизанка?

Из толпы вышла женщина. Это была Аришка Круглова, как всегда, пьяная. Немцы притащили ее сюда. Аришка подошла к Лизе:

— Это и есть партизанка, первая комсомолка.

Офицер подал команду.

— Я готова. Стреляйте, палачи! — крикнула Лиза.

Прогремели выстрелы. Солдаты стреляли над головой девушки.

— Смерть немецким оккупантам! — воскликнула девушка.

Выстрелы — Лиза взмахнула рукой:

— Я погибаю за победу, за нашу партию, за Сталина!

Снова выстрелы — Лиза упала на свежий снег, обаяв его своей кровью, потом приподнялась.

— За родину, за народ! — воскликнула она слабым голосом.

О гибели Лизы отряд узнал в этот же день. В лесной землянке был подписан при-

говор кулаку Колосову, его сыну, Аришке Кругловой.

Ночью весь отряд вышел в путь.

Под утро в разных местах района запылали одиннадцать деревень, в которых расположились фашисты. Молодые партизаны, которых возглавляли товарищи К. и Саша Б., направились к дому Колосовых. Предателей захватили живьем, привели в лес и расстреляли.

Прошло несколько дней. Однажды в безлунную зимнюю ночь к дому Кругловой подошло несколько человек. Один из них тихо постучал в окошко.

— Кто там?

— Свои.

Круглова впустила пришедших, но, взглянув на них, побледнела, обмерла.

— Голубчики мои, родные, не казните! По глупости, по дурости своей проболталась. Век буду руки, ноги целовать, все вам расскажу про немцев, только жизни не лишайте, — бормотала предательница, ползая у ног партизан.

— Выходи!

Предательница пыталась закричать. Ей заткнули рот, вывели на соседнюю физкультурную площадку. Утром здесь увидели труп шпионки.

Семнадцать дней партизаны безуспешно пытались унести тело Лизы. Немцы, напуганные пожарами, расстрелом Колосовых и Кругловой, усилили охрану, увеличили карательные отряды, беспощадно расправлялись с населением. И все-таки на восемнадцатый день труп Лизы исчез.

Партизаны унесли тело народной героини в лес и похоронили ее с воинскими почестями. Молва о Лизе летела из дома в дом. Из сел и деревень к месту расправы над Лизой шли женщины, которые никогда ее даже не видели, — шли, чтобы отдать последний долг народной героине, поклониться ее праху, поцеловать землю, которую она обогрела своей кровью.

Красная Армия выбила врагов из Пеновского района. Бойцы Красной Армии гонят их на запад.

Идут бойцы, снимают шапку у могилы народной героини, останавливаются и клянутся бороться и победить.

Пройдут многие и многие годы, зарастут чертополохом и бурьяном могилы предателей, развеет ветер кости солдат немецкой грабьярмии. Снова зацветет наша советская земля, снова вернутся в дома советские люди, снова придет счастливая жизнь, мир и покой. И всюду, по всей нашей земле, с глубокой любовью и великим уважением будут вспоминать жизнь и смерть героической комсомолки Елизаветы Ивановны Чайкиной. Как не меркнет солнце, так никогда не померкнет слава верной дочери советского народа.

